

Хотя богатство любого дракона было неоспоримым фактом, Енох не верил, что Ахерос непременно богаче Владыки Маммоны. Иначе с чего бы демоническим Повелителем Жадности был Маммона, а не Ахерос.

В конце концов Енох был знаком с молвой, говорившей, что совершивший грех тягче, чем Семь Демонических Королей, занимает место одного из них.

Но Енох даже не мечтал стать богаче Владыки Маммоны.

Он думал, что если, как сказал Мириэль, он завладеет всеми богатствами Ахероса, то уже не будет проблемой стать великим демоном.

Енох выудил из под подушки свою наиболее охраняемую и ценимую шкатулку слоновой кости. Он положил карту сокровищ рядом с ручным зеркальцем с ангельским рельефом. А затем задрал свой изящный и бледный подбородок и высокомерно произнес:

— Мириэль, твоя карта сокровищ превосходна. Теперь она моя.

Мириэль только что проиграл в драке и не был в состоянии отнять свою карту сокровищ, так что он мог лишь чертыхаться:

— Проклятый Ад! Проклятые демоны!

Енох же пришел в прекрасное расположение духа. Мурлыкая себе под нос какие-то куплеты, он даже нашел время для "заботы" о своем друге, с величайшей вредностью справляясь у него:

— Куда делись все твои деньги? Или тебя тоже ограбили другие демоны?

— Их не украли. Или ты думаешь, что я такой же неудачник как ты? — ответил Мириэль, — Я потратил все свои деньги на подкуп псаря Владыки Маммоны и приобрел себе лицензию.

Енох спросил его: — Какую еще лицензию?

Мириэль тоже выставил подбородок и гордо объявил: — Лицензию на место пятьдесят первого пса Владыки Маммоны.

Енох: — ?

— Положение пса Владыки Маммоны делает меня богаче тебя, — пробурчал Мириэль, поправляя свои одежды из красной кожи, помятые вовремя драки с другом, — По правде говоря, я зашел попрощаться, но никак не ожидал увидеть такую смешную сцену. Ха-ха!

Енох: — ??

Мириэль тихо вздохнул: — Что поделаться... Похожие демоны — разная судьба. Енох, отныне я благородный пятьдесят первый пес Владыки Маммоны. Вряд ли нам доведется свидеться вновь.

Енох: — ???

Зловредно покрасовавшись перед приятелем, Мириэль ушел, оставив Еноха дрожать от ярости.

И в этот миг Енох сжал кулаки и втайне принес обет — он немедленно отправится за сокровищами Ахероса, быстренько вернется с ними обратно и покажет этому Мириэлю, что он может быть гораздо богаче пса Маммоны!

На десятый день Енох собрал остатки своих пожитков и покинул дом.

Прежде чем вступить на путь становления великим демоном ада, Енох сперва направился к соседскому дому, желая вернуть свои денежки, но не смог найти и следа Мики. Так что он мог лишь хранить свою обиду в сердце и оставить письмо с угрозами на пороге:

"Мики! Даже не надейся ускользнуть от меня. Я буду следить за тобой всегда-всегда-всегда-превсегда... День моего возвращения будет последним для твоей души!"

.....

На сотый день, после столь долгого путешествия и перелетов, что его крохотные недоразвитые крылышки летучей мыши были готовы оборваться, и даже его прекрасные сияющие кудри почти совсем поблекли от изнеможения, Енох наконец добрался до внешнего края горной гряды Цзиньи Бэйэр.

Одновременно это была и внешняя окраина ада.

Находясь ужасно далеко от центрального адского города, каждая пядь этого места была окутана темно-пурпурной, зловонной болотной дымкой — пустошь, мертвенно тихая, леденяще холодная, почти полностью безжизненная. Чем глубже зайти, тем более бесплодным становилось окружение.

— Это здесь?

Енох разложил карту, поднял лицо и уставился на горные пики, пытаясь найти легендарный величественный замок дракона, забитый сокровищами до самого верха.

К несчастью, у всех гор вокруг были высокие и крутые вершины, пронзающие облака и темные клубящиеся тучи, иссеченные молниями. Стоя у подножья гор, Енох мог видеть одну лишь мглу и не испытывал ни малейшего желания взлететь для лучшего обзора.

Во-первых, Енох был настолько измотан, что практически не мог лететь.

Во-вторых, горные ветра Цзинъи Бэйэр были резкими и сильными. Крохотные нежные крылышки Еноха позволяли ему лишь зависать в воздухе. Вольное парение в небесах было невозможным.

Наконец, согласно карте сокровищ, Ахерос вместе с наиболее ценными своими сокровищами пал в Бездну Люли, а не находился в замке. Бездна Люли располагалась по близости от лавовых трещин в глубине гор Цзинъи Бэйэр, и была доступна пешим путникам.

— Сегодня здесь родится могучий великий демон ада.

Енох, полный мечтаний и надежд, побрел вперед на своих худеньких ногах, сжимая в руках карту сокровищ.

Но на что бы вы ни посмотрели — его ноги, личико или крылья, нигде нельзя было увидеть что-либо, соответствующее слову "могучий".

Так что прошло совсем немного времени, как Енох начал кукситься и жаловаться: — О мои бедные ножки, они так болят...

Всю дорогу до гор Цзинъи Бэйэр на ногах Еноха не было ничего, кроме пары белых хлопчатобумажных носков.

А все оттого, что его дом был начисто ограблен Мики.

Не только деньги, но и обувь, одежда, простыни и одеяла — всё было украдено до последней нитки.

Перед уходом Енох пошарил в своем платяном шкафу и нашел там лишь одну последнюю одежду — белую робу мальчика-певчего, которая была на нем, когда он пал в ад. К счастью, она избежала загребущих демонских лап, поскольку ни в малейшей степени не соответствовала адской моде, так что Мики даже не подумал ее стянуть.

И теперь на Енохе была одна лишь эта роба. Он не нашел никакой обуви и не имел денег на покупку новой, так что ему пришлось уйти без нее.

Последствием ходьбы без обуви была, естественно, боль в ногах.

Енох сдернул ужасно грязные и дырявые некогда белые носки, забросил куда-то в сторону и продолжил идти.

Пройдя каких-то три или четыре шага, он внезапно ойкнул, поднял одну ногу и принялся прыгать на другой.

— Кто уколол меня?!

Когда резкая боль утихла, он широко распахнул свои сапфировые глаза, наклонил голову и злобно уставился на "виновника".

Виновником оказался осколок белой кости, наполовину выступавший из выжженной земли.

... эээ?

Кость?!

Так он уже нашел место погребения Ахероса?

Где же тогда сокровище?

Глаза Еноха загорелись и он принялся озираться вокруг. Но увидел лишь пепел, да обгорелые останки, дотла сожженные яростным огнем, да зазубренные кости, торчащие из земли, словно мрачные утесы.

Можно было не сомневаться, что здесь и впрямь некогда пал огромный яростный дракон.

Однако существование сокровищ, сопровождавших павшего в бездну дракона, оказалось под большим вопросом.

Боясь наступить на кость и вновь поранить ноги, Енох замолотил своими крылышками и поднялся в воздух, принявшись снова туда-сюда среди скелетированных останков. Однако, даже сделав несколько кругов, он не заметил ни единого сияющего сокровища. И ни одной грязной и пыльной серебряной монетки тоже.

— Разве не было сказано, что здесь лежит огромная куча сокровищ?

Совсем упав духом, Енох наконец приземлился на гладкий череп с массивными рогами. Наступив босыми ногами на голову дракона он пробормотал: — Почему же тут только куча паршивых костей?

Розовые юношеские губки сжались в прямую линию, а лицо переполнилось нетерпением и отвращением.

Он поджал свои пухленькие, словно жемчужные, пальчики ног, как если бы череп показался ему слишком холодным. Но крылья его болели так сильно, что продолжать порхать было совершенно невозможным, так что он мог вымещать раздражение на давным-давно умершем драконе, говоря недовольным и вредным голосом: — Бесполезная черепушка. Холоднющая и твердая. Даже супа с нее не сделать. Ни одной жиринки не осталось.

Енох чувствовал, что еще немного, и он снова упадет в голодный обморок.

И когда он уже был готов вновь начать пинать череп, чтобы спустить пар, он внезапно заметил что-то внутри драконьей пасти.

Спорхнув пониже для лучшего осмотра, он увидел стоявший внутри пасти круглый столик, сплетенный из черных лоз. Там стояла пара бутылок густого, кроваво-красного вина, изящная тарелка с жирным фуа-гра и несколькими крохотными сладкими, кремовыми пирожными, абсолютно восхитительными на вид.

Все было удивительно свежим, чистым, не тронутым тлением, уж точно не тем, что можно было ожидать найти в этой мрачной иссохшей пустоши.

Енох подцепил пальчиком частичку белого крема с пирожного и коснулся ее кончиком языка. Вкус был едва-едва удовлетворительным.

Все же Енох не был каким-то маленьким деревенским демоном, не видевшим мира. Несколько пирожных вряд ли могли произвести на него сильное впечатление.

Так же его нисколько не беспокоило то, что в еде мог содержаться смертельный яд. Ведь он был давно уже мертв.

Не заметив никакого стула возле столика, сплетенного из лоз, Енох просто уселся на столешнице, болтая ногами, пока он пировал фуа-гра. Покончив с ним, он выдал гордое и пренебрежительное суждение: — Посредственно. Что за идиот приготовил его? Даже на одну десятую не приближается к готовке того проклятого чудища из Восточного ада.

Затем он бодро устремился по пути греха Обжорства, запихнув в рот два из трех пирожных, пробормотав: — Ммм... очень-очень средне. Съешь чуть больше и сразу прискучит.

Утомленный сладостью, он, конечно, нуждался в вине, чтобы освежить свое нёбо. Енох осушил первую бутылку большими глотками. Взявшись за вторую, он наконец расщедрился на похвалу: — Вино неплохое, но пары бутылок попросту недостаточно.

Еноху не доводилось пить такое вино раньше и он не мог определить из чего оно сделано, кроме того, что оно было очень нежным, деликатным и, кажется, довольно крепким. Вскоре после выпивки он ощутил, словно все его тело залилось жарким румянцем. Он поднял руку и коснулся лица, обнаружив, что его щеки горят. Он подумал, не стало ли его лицо слишком красным.

Но в этот момент Еноха гораздо больше занимало совсем другое —

— Да кто вообще сказал, что этот Ахерос богат?

Горстка еды не могла сгладить разочарование отсутствием сокровищ. Уперевшись подбородком в ладонь, он пробормотал с себе под нос с сонным и унылым видом: — Он явно беднее меня!

— Да неужели?

В мертвой тишине драконьего кладбище внезапно раздался незнакомый голос.

Мужской голос был низким, глубоким и богатым, с хриловатым, магнетическим тембром и оттенком дразнящего веселья: — Ты, верно, очень богат?

Крепкая выпивка затуманила разум Еноха. Он медленно обернулся к голосу и в глубине драконьей глотки заметил пару золотых монеток.

Нет.

Вовсе нет, неправильно.

Его зрение помутилось. Это не были золотые монетки.

Енох потряс головой, чтобы разогнать туман опьянения, и тогда лишь ясно увидел, что золотые монетки на самом деле были парой сияющих глаз, того же цвета и блеска, что и у настоящих золотых монет. Они так красиво сверкали. Единственным недостатком были узкие вертикальные зрачки, ненавидимые Енохом.

Если исключить змеедемона Мириэля, Енох терпеть не мог всех тварей с вертикальными зрачками. Особенно он ненавидел змееглазое восточное чудище, от которого ему часто доставалось.

Вспомнив своего старого врага и то, насколько он сейчас беден, Енох ощутил, как печаль поглотила его сердце, и его маленькая мордашка, едва ли с ладонь размером, переполнилась сожалением: — Нет... пропали все мои денюшки, заработанные тяжким трудом...

Но горе длилось лишь три секунды, и Енох снова разгневался, ругаясь срывающимся голосом: — Проклятый Ахерос тоже без гроша. Куда он дел свои богатства? Разве был бы я таким нищим, если бы нашел его сокровища? Будь он проклят!

А затем, гнев ушел так же быстро, как и появился. Прижав к губам узкий палец, с невозможно драматичным и подозрительным видом, подобно актеру на сцене, он пробормотал: — ... я опоздал? Кто-то первым добрался до сокровищ?

— Это был ты?

Слёзы еще блестели в его глазах, и эти маленькие частички влаги придали ему чистый и невинный облик. Он уставился на странного златоглазого человека, как на подозреваемого, и строго спросил: — Это ты украл мое сокровище?

----

Маленький демон: — Твои вертикальные зрачки довольно уродливы, но цвет твоих глаз уродливым не назвать.

Злой дракон: — ?

<http://bllate.org/book/15719/1406666>